

Артемий Васильев и «княжна» Дарья Федурина

Жил был в деревне Овчинниковой Артемий Алексеевич Васильев. Дружил он с братьями Савельевыми: Григорием и Семёном. А в селе Крутологовском жила женщина неизвестного звания Дарья Евграфовна Федурина. Она появилась в селе неизвестно откуда пять лет назад. Заимела друзей: старосту села Гаврилу Сусоева и десятника села Ивана Васильева, не родственника Артемия, однофамильца. Артемий имел ограниченный кругозор, но несбыточную мечту, неизбежную надежду иметь жену хоть с бородавкой с пятак на носу, но особую от других деревенских баб. Дело по поиску суженой Артемий поручил друзьям. Они искали жену с отличием от других женщин по всей округе. Им попадались и красивые и богатые и кривые и косолапые. Жениху уже двадцать восемь лет. Мать требует помощницу в дом. Предлагает поручить поиски невесты деревенской своднице Мавре Фёдоровой.

Сидят в крутологовском кабаке братья Савельевы. Рассказывают, что друг их Артемий ищет особую жену. А друзья Дарьи Федориной за соседним столиком пьют, слушают и друг другу говорят:

– Она по характеру бездушная, жестокая, – говорил Сусоев.

– Желает получить неограниченную семейную власть, – говорил Васильев.

– Бывает ласковая, нежная, послушная, а попере́к слово произнесёшь и зубов лишних, ненужных не нащупаешь, – говорил Сусоев.

– Богатая. Всё лицо в родинках и родимых пятнах, – говорил Васильев.

– Такой бабы, как наша Дарья по всему ведомству не найти, – говорил Сусоев и подмигивал десятнику.

Вернулись Савельевы в деревню и давай передавать, что слышали о Дарье.

Поехали сватать.

Хотя Дарья не красавица в полном смысле этого слова, но женщина необыкновенная лицом, взглядом, обхождением, разговором. По разговору Артемий пришёл к выводу, что она умна. Но разочаровался Артемий, не увидев бородавок и родимых пятен на её лице. По простоте своей деревенской спросил:

– А где же бородавки?

– Так они внутри, Артемий Алексеевич... После венчания всё рассмотрите.

Приходит Артемий с друзьями в дом Федориной. Артемий говорит:

– Предлагаю тебе, Дарья Евграфовна, принять моё предложение и создать совместную счастливую семью.

– Артемий Алексеевич, сколько вам лет? – спросила Федурина.

– Двадцать восемь.

– А мне тридцать семь. Стара я для вас. Да и со временем могут дойти до вас нелестные отзывы обо мне. В нашем мире безгрешен только покойник...

– Дарья Евграфовна, моим друзьям вы понравились. Мне по душе...

– У меня нет приданого, бедна я.

– Наша семья всё, что нужно для счастья, имеет.

Сыграли свадьбу. Переехала невеста к жениху. Родители начали с возмущением ругать Артемия: она коров боится, печки боится, кашу варить не может. Золу для стирки белья собрать не смогла. И такая она и саякая. А Дарья слушает, как нелестно говорят о ней родители мужа и улыбается.

Подожёл декабрь. Ямщицкий стан объявил конкурс на вакансию писаря. С Дарьей заключили соглашение. «При выполнении всех писарских дел платить Дарье, жене Артемия Васильева, в течение года, двести

восемьдесят рублей. Первую половину в марте месяце 140 рублей, вторую половину в декабре».

Через Овчинниково по тракту, больше в санных каретах, везли князей, дворян, просто офицеров, возмутителей мирной Санкт-Петербургской жизни, на окраину России. Возмутители в каретах, а солдаты с ружьями на плечах, пешком.

Остановилась карета у дома Васильевых. Домочадцы вышли посмотреть на государевых преступников, в шубах. Дарья смотрит на одного, улыбается. Он ей, грубо:

– Что баба, смеёшься?

Она ему вежливо ответила:

– Я вам, Иван Дмитриевич, предлагала: бросить школу колонновожатых и бежать в Сибирь. А вы взяли в жёны княжну Пелагею Васильевну. Я вот здесь, в Сибири, вышла замуж. Счастливо живу.

Арестант осмотрел крестьянку и проговорил:

– Вы, Дарья Евграфовна, красотой многих князей с ума сводили, а своими действиями производили впечатление порядочной дуры. Дарья подошла вплотную к арестанту:

– Иван, я с людьми общаюсь по своему желанию. Природу боготворю. По своему хотению ягоду, какая по душе, ем. А ты даже нужду творишь под присмотром солдата. Бог уже сейчас рассудил, кто из нас прав.

С той встречи Дарью Евграфовну стали кликать княжной. Не делилась она своей прошлой жизнью ни с кем. Бывало, приходили посылки на её имя. Она, не распечатывая, передавала в Этапный стан. Капрала предупреждала, чтобы всё, что она передаёт, распределялось арестантам.

* Неизбыточную мечту – неминуемое впереди.

** Неизбежную надежду – неотвратимую надежду.

Мария Семёнова и её выдумки

– Осталась вдовой, к окончанию гражданской войны Мария Кузьминична Семенова, не одна, с сыном Иваном. Переживала, но не голодали. В хозяйство имели две лошади, корову, десяток куриц. Случайных встреч с мужчинами избегала. Умная, трудолюбивая, пятилетнего сына воспитывала, пресекала его капризы и леность. Часто вспоминала мужа Василия, его крутой характер и несправедливости к ней. Не замечал он в ней умение увлекать деревенских баб выдуманными историями, где всё оканчивалось хорошо. Бывало и мужчины с интересом слушали её байки. Когда она начинала рассказывать свою новую выдумку Василию, он прерывал и обещал наказание.

Сидит она за прялкой. Сын рядом, шерсть

от репейника очищает. Заходит чужой мужчина, кладет на лавку вещмешок, садится на сундук, гладит его боковины и говорит:

– Мария Кузьминична, твой муж убит в Алтайских горах, я свидетель. Мы с ним дружбу вели. Умирая, он передал мне пожелание, чтобы я вещицы его передал тебе, а за это ты мне должна отдать дедовский солдатский красный колпак. На память нашей с ним дружбы.

Мария выслушала мужика, а он начал вынимать из вещмешка вещи и класть на столешницу. Мария и печалилась вещам и радовалась. Каждая вещь напоминала ей время, когда приобрелась эта вещь, или делалась руками Василия, её. Закончил он вынимать вещи, разложил их по столешнице, предложил:

– Принимай, вдовушка. – Мужчина снял шинель, шапку. Повесил. Поправил ремень. – Угощай. Проголодался я.

Мария просмотрела все вещи. Некоторые даже пощупала.

– Тебе, солдатик, мы с сыном, выражаем благодарность. Оставляй, пригодятся и на память и в деле. А сам ты поторопился раздеться. По закону ревкома запрещено оставлять в доме чужого человека. Ты моему Василию, возможно, был другом, а нам с сыном пока никто. Иди в ревком, он располагается там же, где была в прошлом сборня. Проверят твой документ. Афанасьев, Председатель ревкома, даст разрешение тогда и приму.

– Не думал я, что так холодно встретит меня родня фронтного друга?

– В новое время живем, по новым законам, – ответила Мария.

Пришел Председатель ревкома Афанасьев. С порога спросил:

– Марья, какие у тебя сомнения о пришельце?

– Ты, Иван Фёдорович, подойди к столу. Глянь на вещи. У меня сомнение большое. На столе нет костяной гребенки. Я ему сама вырезала. Рассказывала свою новую придумку. Он слушал, слезы лил. И заверил меня, что никогда с гребенкой не расстанется. А гребенки на столе нет.

Пришелец соскочил с сундука, из кармана достал гребенку.

– Вот она. Василий подарил мне. Я её с того дня в кармане и держу.

– Мужик, мой муж не мог тебе подарить гребень. Он дорожил всем тем, до чего касались, мои руки. Иван Фёдорович, мои сомнения обвинительные для пришельца: или он присвоил гребенку или в убийстве моего мужа виноват. Он вошел, взгляд бросил на сундук. А у нас с мужем была договорённость. Если попадем в опасность, то должны говорить, что у нас в сундуке хранится красная солдатская шапка, в ней серебряные монеты, накопленные еще его дедом. Так вот, пришелец вошел, не на лавку сел, а на сундук. И всё гладил его, гладил... Я давно придумала эту байку, и шапку, и серебро. Василий, в опасности для своей жизни, рассказал мою выдумку пришельцу. Вот он и пришел за серебром.

Увели солдаты липового друга Василия, а деревня после этого случая с большим вниманием слушали Марьины выдумки и запоминали.